

УДК 10.367.44

А.П.Дансков (6 курс, каф. ЭСиАЭ), Д.Н.Козырев, к.ф.н., доц.

КОММЕНТАРИЙ К ИДЕЕ "ТРЕТЬЕГО МИРА" КАРЛА ПОППЕРА

Средоточием науки является теоретическое знание. Теория выступает главной целью научного исследования, поскольку именно она позволяет предсказывать будущие события и давать объяснение явлениям, вскрывая стоящие за ними сущностные, инвариантные по отношению к изменчивым условиям, структуры. Вопрос о месте теорий в корпусе научного знания очень важен, так как ответ на него в немалой степени определяет стратегию научного поиска. Для позитивистской программы характерен фундаментализм – позиция, согласно которой единственным способом получения истинных суждений является обращение к опыту. Позитивизм настаивал на необходимости рассматривать эмпирический материал как твёрдый фундамент научного знания, которое не должно содержать в себе заблуждений. Теории в таком случае предстают чем-то вроде "общего факта", простым обобщением эмпирического материала, и процесс проверки теорий на истинность не представляет большого труда: любая из них может быть сведена к проверяемым на опыте единичным суждениям.

А.Эйнштейн считал важным успехом философии науки XX века отказ от подобного взгляда: пропасть между теорией и эмпирическими данными может заполнить только творческое воображение учёного. Получается, что теории обладают собственной "жизненной энергетикой"; этот взгляд с наибольшей отчётливостью выразил основатель постпозитивизма К.Поппер. Для него теории – это дома на сваях, вбитых в зыбкий грунт.

Поппер стремился показать, что процесс получения научного знания – это не примитивная переработка внешнего сигнала в знаковую форму, а сложное переплетение комплекса факторов. Этой задаче служит знаменитая концепция трёх миров. Для того, чтобы раскрыть характер взаимодействия, необходимо сперва выявить действующие силы. В основе концепции Поппера лежит качественное усложнение субъектно-объектной схемы: он добавляет ещё один важный фактор – объективированное и структурированное знание об окружающем мире ("третий мир", отличный от "первого" – объектной реальности вне нас и "второго" – мира психических явлений).

Этот мир открыт только интеллекту. Поппер причисляет себя к философам эмпирического склада, но по существу воспроизводит парменидовский критерий знания как комплекса логически обоснованных суждений. Граница между "третьим миром" и действительностью проведена с учётом требований предельного реализма, сформулированных Кантом. Мы владем не знанием о мире, а знанием о результатах конструктивно-теоретической работы разума. Кроме того, каждый из нас является носителем единого для всех людей пласта сознания – научного разума, и поэтому мы вправе всерьёз верить в то, что созданный этим разумом образ мира более или менее сносно отражает черты внешнего прообраза. Наши практические достижения хотя ничего и не доказывают, однако укрепляют основания нашей веры. Поппер оборачивается к субъективным основаниям познавательного процесса, и вновь совершает корректный и логически сильный ход. Он призывает отделить подверженный случайности процесс обнаружения нового в науке от внутренней динамики надличностного "третьего мира".

Его автономность и прозрачность для любого носителя разума – это черты, позволяющие провести отдалённую аналогию с миром платоновских идей. В этом мире могут возникать усложнения и даже открытия. Открытость мира науки выступает для Поппера основанием для сближения науки и демократии. Напротив, магизм становится признаком альтернативного порядка - цепящего застоя, неравенства и контроля над личностью.

Спорность и неоднозначность этой красивой схемы возникает при движении вглубь, при попытке объяснить взаимодействие означенных миров. Может ли "третий мир" расти сам по себе, игнорируя океан непознаваемых сторон действительности и отвергая личностный фактор как вредный психологизм? Возникает зловещий образ бесчеловечной схоластики, загоняющей живую действительность в прокрустово ложе рациональных схем. К счастью, Поппер сразу же даёт разъяснения. Во-первых, окном в действительность является опыт. Концепции, которые опыт опровергает, выпадают из сферы действенного знания. Следовательно, хрупкость (уязвимость) является сущностной чертой "третьего мира".

Во-вторых, процесс роста этой сферы "состоит в критике, обладающей творческим воображением". Это очень важное замечание, в котором содержится неявная критика сциентизма. "Универсум объективного знания" неотделим от реальности и психологических переживаний, дающих стимул к познанию. Здесь, на стыке трёх онтологических реальностей, происходит творение новых форм. Поэтому не так уж не прав экстравагантный философ П.Фейерабенд, требующий уравнивать в правах науку и миф. Их равенство в креативном потенциале. Импульс к инновациям действительно исходит из целостной когнитивной структуры.

И всё же трудно отделаться от чувства, что "третий мир" несёт в себе ряд свойств, сближающих его с магией. Во-первых, в его недрах таятся разрушительные силы невероятной мощности. Параллель между Р.Оппенгеймером, утверждавшим, что после Хиросимы у него "руки в крови" и незадачливым учеником колдуна из старинной легенды заставляет содрогнуться. На ум приходят слова известного Карлоса Кастанеды: "Сила зависит от того, каким знанием ты обладаешь".

Исследуя этос науки, социолог Р.Мёртон назвал четыре главных неписанных нормы научного сообщества: универсализм (нелицеприятие), общность (открытость), незаинтересованность и организованный скептицизм. Строгое следование норме "общность" может обернуться катастрофой; дело в том, что "третий мир" обладает потенциальной взрывоопасностью.

Второй чертой следует считать избыточную формализованность современного научного знания. "Третий мир" определялся Поппером как мир языка, предположений, теорий и рассуждений. Однако язык современной науки эзотеричен. Он настолько пронизан сложной математической символикой, что непосвящённому остаётся только доверять на слово компетентным специалистам и экспертам.

Наконец, оживление архивных ("мёртвых") концепций несколько напоминает некую некромантию на метафизическом уровне. Стародавняя идея начинает новую жизнь на службе у властной воли теоретика, стремящегося сокрушить заблуждения оппонентов. Но при внимательном прочтении Поппера недоумение рассеивается. Поппер считает, что от наших теорий "мы можем приобрести больше знания, чем первоначально вложили в них". Можно даже заметить у философа настоящий пафос живого знания: каждый новый шаг создаёт, по его словам, "новые непреднамеренные факты, новые неожиданные проблемы, а часто также и новые опровержения".

Итак, можно выделить пять основных свойств универсума К.Поппера: автономность, прозрачность, хрупкость, потенциальную взрывоопасность и творческий динамизм. Они позволяют утверждать, что судьба мира, населённого знаниями, – раскрываться и оставаться

никогда до конца не раскрытым. Вопрос "Quo Vadis?" будет всегда сопровождать человечество и хранить его от сна разума, который рождает чудовищ.